

А. В. Головнёв

Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Резонанс в этноистории

АННОТАЦИЯ. Понятие *резонанс* применимо к событиям и явлениям этноистории, которые характеризуются непредсказуемостью и оказывают радикальное преобразующее воздействие на традиционный уклад. По аналогии с музыкой и физикой это происходит благодаря «совпадению частот» (мотивов и действий) участников событий. Катализатором резонансных явлений обычно служит внешний толчок, например религиозный импульс. Вероучение распространяется не механически, а через возбуждение тех самых «струн» (частот), игра на которых — искусство проповедников и миссионеров, отыскивающих резонанс с паствой, очаровывая словами и делами, пугая мощью «воинов истинной веры», переводя священные тексты на местные языки. Нередко неопиты превосходили духовных наставников приверженностью вере, и их всеокрушающий фанатизм есть не что иное, как религиозный резонанс, способный как разрушать, так и созидать. Впечатляющей резонансной силой характеризуется и эффект миграций, который складывается из «совпадения частот» локальных и магистральных культур. Резонанс взаимодействия разных культур порождает новые явления и народы (этнические сообщества). К их числу относятся казаки, поморы, коми-ижемцы, долганы, нагайбаки и др. Партитура этноисторического сценария предполагает подбор действующих лиц и их поведенческих параметров, прежде всего мотивационных и деятельностных характеристик, а также их сопоставление в одном интервале времени-пространства. Для этноисторического сценария важна пространственно-временная панорама событий с ролями столиц и границ.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: резонанс, мотив, действие, движение, этноистория, народы

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я: Головнёв А. В. Резонанс в этноистории. *Этнография*. 2024. 4 (26): 88–109.
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-88-109

A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Resonance in Ethnohistory

ABSTRACT. The concept of resonance is applicable to events and phenomena of ethnohistory that are characterized by unpredictability and have a radical transformative effect on the traditional way of life. By analogy with music and physics, this occurs due to the “coincidence of frequencies” (motives and actions) of the participants in the events. The catalyst for resonant phenomena is usually an external push, for example, a religious impulse. The doctrine is spread not mechanically, but through the excitation of those very “strings” (frequencies), playing on which is the art of preachers and missionaries who find resonance with the flock, charming them with words and deeds, frightening them with the power of “warriors of the true faith”, translating sacred texts into local languages. Often, neophytes surpassed spiritual mentors in their commitment to faith, and their all-crushing fanaticism is nothing other than religious resonance, capable of both destroying and creating. The effect of migrations, which consists of the “coincidence of frequencies” of local and mainstream cultures, is also characterized by an impressive resonance force. The resonance of the interaction of different cultures gives rise to new phenomena and peoples (ethnic communities). These include the Cossacks, Pomors, Izhma-Komi, Dolgans, Nagaybaks, etc. The score of an ethnohistorical scenario involves the selection of characters and their behavioral parameters, primarily motivational and activity characteristics, as well as their comparison in one time-space interval. For an ethnohistorical scenario, a spatio-temporal panorama of events with the roles of capitals and borders is important.

KEY WORDS: resonance, motive, action, movement, ethnohistory, peoples

FOR CITATION: Golovnev A.
Resonance in Ethnohistory.
Etnografia. 2024. 4 (26): 88–109. (In Russian).
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-88-109

В те времена, когда науки и искусства были нераздельны, создавалась Санкт-Петербургская академия наук и художеств (1724). Но времена изменились, и науки стали противопоставляться искусствам: например, кинорежиссер Луис Бунюэль считал науку лишенной человеческих чувств и сопоставлял с одним из всадников Апокалипсиса (Бунюэль 1989: 198, 272). Впрочем, всегда находились мыслители и художники, легко преодолевавшие пресловутую грань между логикой и поэтикой. Использование методов и понятий искусства во все времена оживляло и очеловечивало науку, особенно гуманитарную; достаточно вспомнить прием художественного триллера, примененный Дж. Фрэнсером в его научном шедевре «Золотая ветвь», манеру сопоставления мифа и музыки К. Леви-Стросса, дававшего разделам своих «Мифологик» звучные названия «Ария разорителя гнезд», «Соната хороших манер», «Фуга пяти чувств», «Птичий концерт». По собственному опыту знаю, насколько оживляют исследование взятые из киноискусства приемы крупного плана и чередования ракурсов (точек наблюдения), а также теория движения и метод «записи движения» (букв. *кинематограф*).

Продолжая диалог науки и искусства, можно пополнить исследовательский «ящик с инструментами» (Головнёв 2016) ракурсом, позволяющим сфокусироваться на эпизодах, для объяснения которых у науки не хватает собственных слов или «разбегаются глаза». Речь идет о неожиданных явлениях, прерывающих традицию, а затем либо растворяющихся в ней, либо порождающих устойчивую новацию, перерастающую в традицию. В толковании этих переходов используются понятия «кризис», «разложение», «открытие», «бифуркация», «трансформация», «революция» и др., которые характеризуют происходящие, подчас грандиозные, перемены, но не тот самый эффект/момент напряжения (возбуждения, закипания, замыкания, надлома), когда прежнее благо вдруг перестает быть благом и замещается новым. Ключевое слово здесь «вдруг», и именно для его разглядывания впору обратиться к опыту искусств. Поскольку, как наставлял Бетховен, «музыка — откровение более высокое, чем мудрость и философия», можно присмотреться (вернее прислушаться) к ее интонациям, передаваемым понятиями «гармония», «лад», «темп», «тон», «мелодия», «диапазон», «аранжировка», «партитура» и т. д., которые давно вошли в наш смысловой оборот, но используются ассоциативно и метафорично, хотя заслуживают, на мой взгляд, настройки на исследовательский лад.

ДИССОНАНС — КОНСОНАНС — РЕЗОНАНС

Из музыки происходит понятие *резонанс* (лат. *resonantia*, от *resonare* — ‘эхо’), обнаруженное акустически при «симпатической вибрации» струн одной частоты. Такой эффект, вероятно, наблюдал Винченцо

Галилей, известный в свое время во Флоренции лютнист и теоретик музыки. Один из его сыновей, Микеланджело, стал композитором, другом, Галилео, — естествоиспытателем и мыслителем. Именно Галилео в 1602 г. первым описал резонанс на примере «двух натянутых, одинаково звучащих струн»:

...когда звучит одна струна, другая также приходит в колебание и резонирует (Галилей 1964: 190).

Он не был бы Галилеем, если бы одновременно не размышлял о вращении Земли и Солнца, математике и механике, примечательных совпадениях колебаний струны и маятника, а также о всеобщем феномене движения:

В природе нет ничего древнее движения, и о нем философы написали томов немало и немалых (Галилей 1964: 233).

Разговор о движении здесь неслучаен, поскольку в статике эффект резонанса невозможен и непонятен. Галилея интересовало многообразие движения, в том числе космическое, согласно которому «все-таки она [Земля] вертится», а также изучение инерции, гравитации, относительно скорости (если два тела движутся с одинаковой скоростью, то относительно друг друга они не движутся), эксперименты «сложения движений», в которых обнаруживается эффект резонанса в колебаниях струн и маятника (его Галилей раскачивал своим дыханием). Основоположник экспериментальной физики и классической механики обнаружил эффект «возбуждения» (резонансного усиления) при совпадении частот внутренних и внешних колебаний. Более того, в трактате «Беседы и математические доказательства» он включил в обзор звуковых сочетаний диссонанс и консонанс (Галилей 1964: 196).

За экспериментами Галилея последовали другие наблюдения. Понятие резонанса — «возбуждения» при совпадении частот колебаний — переключалось из теории музыки в поле физики, а затем и других наук. При этом эффект резонанса сохранил (или приобрел?) оттенок таинства или мистики, особенно после того, как в Англии 12 апреля 1831 г. в реку Ирвел рухнул подвесной Бротонский мост, который при проходе по нему военного отряда вдруг начал раскачиваться и сорвался с цепей. Инженеры вычислили, что мост превратился в качели из-за резкого совпадения частоты его колебаний с частотой солдатского марша. С тех пор в британской армии принято сбавлять шаг или сбивать ритм при марше по мостам.

Случаи с мостами повторились во Франции (в 1850 г. на реке Мин близ г. Анже) и в России (в 1905 г. в Санкт-Петербурге при проходе

кавалерийского эскадрона через Фонтанку и в 1941–1943 гг. при проезде автоколонн по льду Ладоги в дни блокады Ленинграда¹), после чего эффект резонанса вошел в школьные учебники физики. К этому добавились легенды о том, как бас Шаляпина разбивал плафоны в люстрах и бокалы с вином — правда, в анекдоте про бокалы бас чередовался с тенором (Карузо), порождая неясность относительно резонансных частот.

Если физиков резонанс впечатлил разрушительным эффектом, то гуманитариям пришлось по душе его созидательность: «когнитивный резонанс» означает совпадение взглядов, «общественный резонанс» — коллективный отклик на какое-либо событие, «семантический резонанс» — смысловой взлет, всплеск, озарение. Впрочем, в гуманитарных науках он до сих пор используется как метафора, а не как очерченное понятие. Мне самому сподручно использовать это слово для обозначения неожиданных и ярких эффектов контакта культур, распространения идей, сложения эпоса, военных действий. Возрастающая частота его употребления вызвала некий «резонанс резонанса» — пробу использования его в качестве исследовательского ключа.

С какими явлениями в поле наук о человеке и народах соотносим эффект резонанса? Предположительно с теми, которые выделяются новизной и непредсказуемостью, к которым применимы понятия «колебание», «амплитуда», «энергия» (последняя пока остается недостаточно включенной в гуманитарный оборот, несмотря на усилия Л. Уайта, между тем именно резонанс преобразует потенциальную энергию в кинетическую и наоборот). Эти явления могут быть связаны с событиями разных эпох, от праистории до современности, от происхождения человека до киберреволюции.

Резонанс в музыке, в отличие от физики и механики, вызывает не сотрясение, а созвучие, и проявляется не сам по себе, а в перекличке с состояниями *консонанса* (благозвучия) и *диссонанса* (неблагозвучия). Эти однокоренные понятия образуют удобный для звуковосприятия треугольник. При этом с античных времен консонанс и диссонанс обладают значениями не только в музыке, но и в мировосприятии: например, пифагорейцы соотносили консонанс с гармонией, симфонией и космосом, диссонанс — с дисгармонией, диафонией и хаосом.

Представления о гармонии, как и о вкусах, относительно, и в этом состоит их ценность для пристрастных к многообразию антропологии и этнографии. В Античности пифагорейцы (VI–IV вв. до н. э.) считали консонансами октаву, квинту и кварту; в Средневековье (XIII в.) к благозвучиям причислили обе терции и обе сексты, хотя некоторые теоретики

¹ Лед Ладоги на Дороге жизни выдерживал тяжелые автомобили, но иногда неожиданно проваливался под легкими. На основе этого опыта был разработан резонансный метод разрушения льда.

музыки и в XIX в. относили терции и сексты к диссонансам, а кварта всегда вызывала дискуссии и до сих пор иногда определяется диссонансом. Классическими диссонансами считаются секунда, септима, нона, все септаккорды и нонаккорды. Примечательна не только относительность этих категорий в историческом времени и культурном пространстве, но и их взаимосвязь — своего рода переходность или непрерывность. По музыкальной теории, мелодия складывается из диссонансов и консонансов, причем диссонанс требует разрешения в консонанс; иначе говоря, в статике диссонанс — неблагозвучие, а в динамике (мелодии) — симфонический ход, создающий композицию. Эти предварительные замечания еще раз возвращают к исходной мысли: музыкальные понятия связаны с теорией движения и в исторической (этноисторической) динамике не противостоят друг другу, а образуют композицию, в текстовом изложении называемую сценарием.

ДИАПАЗОН

Зачем переносить музыкальные понятия в этноисторию? В надежде открыть в этничности оттенки гармонии, дисгармонии, возбуждения, напряжения. «Музицирование» позволяет избавиться от статики выявляемых состояний, допустив, что все они — диссонанс, консонанс и резонанс — не вечные и не финальные/итоговые (к чему обычно стремится историческая мысль), а эпизодические, переменные и чередующиеся. В этом смысле этноисторический сценарий напоминает мелодию, а в образах историософии — всем знакомую спираль с вращением и возвращением сцен. Что до резонанса, то он выглядит эффектом эпизодическим и труднопредсказуемым — краткой вспышкой с долговременными последствиями.

Резонанс в этноистории не случается на ровном месте, сам по себе, ни с того ни с сего; он, как правило, вызван внешним воздействием (струна лютни тоже не сама по себе звучит), создающим эффект «колебания культуры». Первые признаки «совпадения частот» могут быть едва заметны, а затем раскатиться по пространству подобно сходу лавины. Так, вероятно, выглядели миграции в эпохи первоначального заселения человеком планеты (палеолитической *sapiens*-революции), Великого переселения народов или Великих географических открытий. Не исключено, что понятие резонанса по-новому освещает и начальный момент происхождения человека как совпадения ряда поведенческих «частот» — в моей версии мим-адаптации прачеловека, рефлексии травоядный/хищник и колебаний стайности/стадности (Головнёв 2009: 49, 50).

Эффект «накладки частот» хорошо виден во взаимоотношениях человека и приручаемых животных. Речь идет о древнейших этапах

освоения человеком планеты, когда четвероногие не просто составили компанию раннему *sapiens*, но и своим движением умножили его власть над пространством. Полноценным охотником человек стал благодаря собаке, а полноценным кочевником и создателем империй — благодаря лошади. В чем состоял эффект резонанса? В ощущении нечеловеческой мощи, которое охватывает каждого всадника, впервые садящегося на коня, а затем в «имперском чувстве» парения над миром, когда конь переходит в галоп.

На какую глубину этноистории можно погружаться с этим «камертоном»? Гипотетически на любую, вплоть до первотворения, если есть источник для воссоздания сцены и действующих лиц. Можно начать буквально «от Адама» или, по крайней мере, от Вавилонского столпотворения. Согласно Торе,

...спустился Господь посмотреть на город и башню, что построили люди. И сказал Господь: вот, один народ и один язык у них у всех, и вот, что начали они делать, и теперь ничего не помешает им сделать все, что задумали. Ну-ка, спустимся и смешаем там их язык, чтобы не понимали язык друг друга. И рассеял их оттуда Господь по всей земле, и перестали строить город. Потому называется (то место) по имени Бавель — ведь там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (Берешит 11: 5–9).

Из этого рассказа обычно делается глубокомысленный вывод, что в Священном Писании представлена картина исходного языкового единства человечества. На самом деле речь идет о едином языке (взаимопонимании) вавилонян, вознамерившихся построить башню до небес, тогда как прежде, до Вавилонского столпотворения (строительства столпа), такого единства не было: судя по Торе, потомки Ноаха (колена Шема, Хама и Йефета) уже давно разделились на языки и народы:

Сыновья Йефета... От этих отделились островные народы, по странам своим, каждый со своим языком, по своим семействам в своих народностях (Берешит 10: 5).

Это потомки Хама по семействам их, по языкам их, по землям их, по народам их (Берешит 10: 20).

Это потомки Шема по семействам их, по языкам их, по землям их, по народам их. Это семейства сыновей Ноаха по родословиям их, по народам их, и от них разделились народы по земле после потопа (Берешит 10: 31–32).

Люди, собравшиеся и смешавшиеся в Вавилоне (по Торе, название города *Bavel* означает ‘смешение’), нашли общий язык и принялись за общее дело, грозившее своим размахом величию Господа. В этом эпизоде рисуется не изначальное языковое единство, а, наоборот, состояние разноязычия, превратившееся в Вавилоне в языковое смешение; иначе говоря, Господь, разрушив башню, не сотворил многоязычие, а вернул его людям².

Легенда о Вавилонской башне может служить иллюстрацией относительности понятий диссонанса и консонанса: для вавилонян единство в языке и общем деле выглядит гармонией (консонансом), а с точки зрения Господа оно диссонирует с божественным порядком. В этом расхождении взглядов проявляется относительность гармонии — в вариантах простоты (один язык/народ) и сложности (многоязычие/многонародность).

Соотношение (дис)гармоний — единообразия и многообразия — по сей день остается ключевым парадоксом этничности. Некоторые из моих знакомых докторов наук искренне считают многообразие народов главным препятствием благополучия планеты, тогда как иные (в том числе я), напротив, видят в этническом многообразии главное достоинство человечества. Для первых многонародность — с позволения сказать, «ошибка Бога». Творцу действительно доводилось раскаиваться, но в другом:

...и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их (Бытие 3: 6–7).

За раскаянием последовала еще одна переоценка содеянного: «...и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека... не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал» (Бытие 8: 21). Стало быть, чередование настроений Творца отражает изменчивость диссонанса и консонанса, заодно показывая их взаимозаменяемость и дополняемость.

Содержит ли сюжет о Вавилонской башне эффект, сопоставимый с резонансом? Можно представить его физическим толчком, развалившимся зиккурат, но есть повод порассуждать и о духовных «колебаниях частот». Нечто похожее на резонанс читается в соединении усилий разных

² Здесь мне трудно удержаться от очередного выпада в адрес глоттохронологии, которая основывает свои расчеты на допущении равномерного и прямолинейного распада языков, хотя в реальности (как и в этом сюжете библейской мифологии) мы видим как расхождение, так и схождение языков; последнее особенно ярко проявлялось в мегаполисах и империях (подробнее: Головнёв 2009: 134–136).

групп (лидеров, сообществ, социальных слоев, «народов») вавилонян в амбициозном столпотворении. Подобное соединение может вызвать как созидание, так и разрушение, причем чем выше заряд энергии, тем катастрофичнее последствия; как писал поэт Николай Языков, «Выше вал сердитый встанет, // Глубже бездна упадет». Этот эффект разрушения толкуется в Талмуде как воздаяние за гордыню и идолопоклонство. Однако исторически роковым мог оказаться и конфликт богов: зиккурат посвящался вавилонскому Мардуку, а разрушен был еврейским Иеговой (руками ассирийского царя Синаххериба в 689 г. до н. э.). Резонансным в данном случае могло стать «совпадение частот» в мотивах противников Вавилона — ассирийских воителей и еврейских проповедников (царь Ассирии к тому времени завоевал Иудею).

Катализатором резонансных (как, впрочем, и многих иных) явлений обычно служит внешний толчок, в том числе религиозный импульс. Вероучение распространяется не механически, а через возбуждение тех самых «струн» (частот), колебания которых иногда называют богосискательством и богостроительством. Игра на этих струнах — искусство проповедников и миссионеров. Кто из римских патрициев времен Августа мог слышать обертоны «религии рабов» (по выражению Ф. Ницше), которым суждено было войти в резонанс с настроениями разноликих масс империи? Вечный город пал, сотрясаемый нашествиями варваров под аккомпанемент волнений конфедератов, провинциалов и разноречивых поборников христианства (Рим был повержен вестготами в 410 г., вскоре после утверждения христианства как имперской религии в 380 г., выноса из Сената статуи богини победы Ники в 391 г. и сожжения храма Зевса в Олимпии в 406 г.). Впоследствии церковь, отпевшая вечный Рим, возродила его призрак — «Священную Римскую империю» (962 г.) — на религиозной волне, совпавшей по «частотам» (мотивам и действиям папы Иоанна XII и короля Оттона I) с франко-германской экспансией.

Религии более динамичны в своем распространении, чем народы. Нередко миграции происходят не сами по себе, а в потоке религиозной экспансии — в русле теополитики. Миссионеры ищут резонанса с окормляемыми народами, пропагандируя преимущества своего вероучения, очаровывая словами и делами, пугая мощью «воинов истинной веры», переводя священные тексты на местные языки. В этом движении резонировать может не только искушение, но и устрашение. Самой эффективной частотой в мировых религиях оказывается идея исключительности. Любое вероучение заявляет свое право на верховного бога и душу человека, а также на истину и благодать для избранных. Особенно впечатляет путь-реванш отверженных в избранные, который идет через тернии к триумфу веры, как это произошло в эпизоде хиджры пророка Мухаммада и его единения с общиной Йасриба в начале 620-х гг.

(Большаков 2002: 86–92). Это духовное единение выглядит «резонансом веры», сокрушающим прежние устои и утверждающим новые истины. Настрой на исключительность вдохновлял на действия, выходящие за рамки обычаев: новая религия освящала путь завоеваний как духовную миссию. Распространение ислама связано не только с манерой кочевников свободно пересекать границы, но и с идеей избранности. Как заметил исламист Ира Лапидус, наиболее частым мотивом перехода в мусульманство было стремление доминировать (или присоединиться к доминирующим):

Вопрос о том, почему люди принимают ислам, всегда вызывал сильные переживания. Ранние поколения европейских ученых считали, что обращение в ислам совершалось на острие меча и что покоренным народам предоставлялся выбор между обращением и смертью. Теперь очевидно, что обращение силой, хотя и не было чем-то необычным в мусульманских странах, на самом деле случалось редко. Мусульманские завоеватели обычно желали доминировать, а не обращать в свою веру, и большинство переходов в ислам были добровольными (Lapidus 2002: 271).

Во многих сюжетах истории религий можно отыскать сцены сочувствия пасторов и паствы — те «струны», на которых играли миссионеры и которые резонансно отзывались в душах неофитов. Известно, что новообращенные превосходили духовных наставников приверженностью вере, и их всесокрушающий фанатизм есть не что иное, как религиозный резонанс, способный как разрушать, так и созидать. Вспыхивавшие в разных уголках планеты религиозные войны были проявлением губительного резонанса, когда бывшие соплеменники вдруг принимались истреблять друг друга на волне культовой вражды. Точки закипания религиозности у разных народов варьируют, но всем свойственна повышенная отзывчивость (возбудимость) на духовной «струне», предельно близкой к центру эмоций и легко преобразующей колебания в резонанс иступления. Это социально-психологическое поле обладает повышенной конфликтностью, и изучение феномена «религиозного резонанса» актуально как для этноистории, так и для этнополитики.

Впечатляющей резонансной силой характеризуется и эффект миграций. Вообще миграция — не эксцесс, а норма жизни: благодаря миграциям человечество сложилось. Однако были периоды, когда миграции выходили из берегов и напоминали Всемирный потоп — так выглядели эпохи Великого переселения народов и Великих географических открытий.

В последние десятилетия вошло в моду объяснять массовые миграции климатическими колебаниями. Например, Великое переселение народов, начавшееся с нашествия гуннов на Европу в 375 г., связывают

не то с потеплением (римским климатическим оптимумом, с 250 г. до н. э.), не то с похолоданием (климатическим пессимумом раннего Средневековья, с 535 г. н. э.) (Schönwiese 1995: 83–86). То и другое решительно расходится по срокам с гуннской экспансией, но увлеченные климатологией исследователи находят массу уловок, чтобы выдвинуть на первый план эту всеобщую (на самом деле их собственную) метеозависимость³.

Лев Гумилев тоже связывает миграции с внешним энергетическим воздействием — космическим излучением (солнечной активностью, напряженностью ионосферы). Впрочем, именно эта часть его построенный вызывает недоумения и разочарования (Bassin 2016). Если вернуться из космоса на землю, то пассионарная теория обретет свое место в социальных отношениях и человеческих ощущениях; более того, она окажется в чем-то созвучной с обсуждаемыми музыкальными интонациями. По своей энергетике «пассионарный толчок» сопоставим с социальным резонансом. Например, решающую роль в становлении кочевой империи и стремительной экспансии сюнну сыграли парадоксальные действия шаньюя Модэ (Маодуня). По преданию, свое восхождение он начал с обучения воинов пускать свистящие стрелы вслед за своей стрелой; при этом стрелял Модэ поочередно в любимого коня, жену и отца, испытывая на верность своих всадников и предавая смерти колеблющихся (в нашем измерении — колеблющихся с неверной частотой). Эта настройка «ансамбля войны» сыграла переломную роль: «За его свистящей стрелой устремились уже не охотники до чужого добра, а пассионарные воины, верящие в своего вождя и подчиненные сознанию долга» (Гумилев 1993: 68). Сплоченная кровавыми испытаниями кочевая орда обрела невиданную мощь, столь же разрушительную (в отношении соседей и врагов), сколь и созидательную (в собственной мобилизации и организации). Породил эту степную стихию «резонанс свистящих стрел».

Динамику миграций определяет взаимодействие локальных и магистральных культур, у которых разные скорости и орбиты: локальной свойственна стабильность, магистральной — мобильность; локальная осваивает эконишу, магистральная связывает своим движением локальные культуры, подобно ожерелью из бус. В стандартной ситуации эти культуры живут своими ритмами, но иногда их частоты совпадают, вызывая резонансную миграцию, обладающую повышенным потенциалом колонизации ввиду слияния магистральной напористости и локальной цепкости. Ключевую роль в этом слиянии мотивов играют

³ Особенно ощутима эта зависимость у археологов, что вполне объяснимо: погода настолько влияет на ход раскопок, что археолог засыпает и просыпается с думой о климате (метеочувством). Этнографам, ведущим полевые исследования всепогодно и всепогодно (ненастье даже располагает к задушевной беседе), эта зависимость не свойственна.

полукровки, отпрыски носителей магистральной и локальной культур (в истории Руси — новгородцы — смесь скандинавов и словен: «суть людье Новгородьци от рода Варяжьска, преже бо беша Словени»). Варяги (уже не только скандинавские, но и ладожско-новгородские) совершали вместе со словенами дальние походы, вплоть до Царьграда, и их торгово-военный путь «из варяг в греки» со временем превратился в государство Русь (подробнее: Головнёв 2015: 169 и сл.). Само по себе рождение Руси было резонансом мотивов и ритмов двух основных культур, скандинавов и славян (при участии балтийских и волжских финнов), в динамике совместного движения.

Сходные резонансные эффекты рождения новых народов и культур на стыках их взаимодействия отмечаются во многих эпизодах отечественной истории. К их числу можно отнести формирование самобытных культур казаков и поморов, в основе своей русских, но с существенными кавказскими и степными (у казаков) и биармийскими (у поморов) долями. Причем в обоих случаях эти резонансные эффекты случались не в статике соседства, а в динамике путей и совместных действий.

Подобные со-действия и рождавшиеся в них этнокультурные новации и сообщества обнаруживаются во многих контактных зонах. Северные коми (ижемцы) во взаимодействии с ненцами и русскими сгенерировали новую оленеводческую культуру с элементами «тундрового капитализма», попутно расселившись по тундрам от Колы до Енисея. На Таймыре в контактной зоне нескольких народов — якутов, эвенков, нганасан, ненцев, энцев и затундренных русских — сложился народ долган, выработавший синтетическую промыслово-олeneводческую арктическую культуру. На Южном Урале в среде татар и казаков сформировался народ нагайбаков со своим специфическим набором идентичностей. Во всех случаях отмечается то самое совпадение «частот» (мотивов и действий), которое обладает свойствами резонанса. Этим эпизодам нередко предшествуют диссонансы (кризисы), а за ними следуют консонансы — состояния рождения и взросления новых народов (в музыке консонанс тоже нередко оказывается разрешением диссонанса). Северным коми-олeneводам на старте и в ходе их движения по тундрам довелось пережить драматическую конкуренцию за пастбища и другие ресурсы с ненцами, хантами, манси, саамами, поморами. Освоение арктических пустынь Таймыра сопровождалось жесткой экоадаптацией и взаимной «этноадаптацией» шести народов, в которой сформировался седьмой народ — долганы. Предки нагайбаков оказались перед сложным выбором между христианством и исламом; предпочтение ими христианства осложнило отношения с близкими по языку и культуре татарами; вместе с тем пограничная ситуация способствовала резонансному эффекту — формированию самостоятельного народа «на одной волне» с казачеством.

Мировая этноистория знает, помимо рождений, летальные исходы, на музыкальном языке ассоциируемые с диссонансом или реквиемом. По наблюдениям С. А. Арутюнова, эпоха Великих географических открытий (ВГО), при всей ее восхитительной глобализации, привела к драматическим изменениям в странах Нового Света, Австралии и Океании, где местные жители были истреблены и/или вытеснены европейцами, а из Африки вывезены в несметных количествах рабы-негры. «Многим народам ВГО принесли очень тяжелые, а для некоторых — просто катастрофические изменения. Андаманцы и тасманийцы были полностью уничтожены» (Арутюнов 2012: 169–175). Состояния «истребление» и «порабощение» иначе как диссонансом не назовешь. Кроме того, диссонанс виден и в различии прав на этничность «открывателей» и «открываемых»: в те самые годы (XIX в.), когда Европа была одержима нациестроительством, остальной мир прозябал в положении племен и колоний. Где-то посередине между полюсами этнополноправия и этнобесправия располагались гигантские этноконгломераты вроде России, Китая и Индии, которые обладали собственными устоями многонародности и стойкостью от воздействия Европы.

Со временем диссонанс, как водится, сменился консонансом⁴, например в облике креолов и мулатов в Латинской Америке, образовавших новые нации. В целом метисация как физическое и культурное смешение туземцев и пришельцев всегда служила универсальным средством отладки контактов и конфликтов. И все же в саморегуляции народов мира действует своего рода реле сдерживания избыточного смешения; идеалы тотальной миксации народов, скажем, в североамериканской модели «плавильного котла» (*melting pot*), на первый взгляд, допустимы и даже увлекательны, но при смене ракурса выглядят тревожно и даже жутковато: когда в университетской аудитории я перечисляю *melting pot* в ряду других концепций, студенты с пониманием кивают, а когда в экспедиции на Кавказе спрашиваю абазина или шапсуга: «Как думаешь, вашему народу хорошо было бы в “плавильном котле”?» — в ответном взгляде блестит лезвие кинжала.

ПАРТИТУРА

В музыке партитура — распределение голосов, музыкальных партий — примерно то же, что в театре мизансцена — расстановка

⁴ Случаются и тупиковые диссонансы. Например, как отмечает С. А. Арутюнов, «предпринятая в XIX в. попытка интродукции культуры оленеводства на Аляску не удалась. За оленеводами-чукчами стояла мощная традиция кочевого скотоводства Евразии, от которого оленеводство было производным. В Северной Америке не было подобной традиции и соответствующего языкового и культурного кода. Оленеводство, заимствованное в отрыве от кода, в отрыве от культурной системы, так и не привилось коренному населению Америки» (Арутюнов 2012: 224).

персонажей и ролей (в системе Станиславского партитура спектакля очерчивает линии поведения действующих лиц). Партитура в музыке составляется по группам голосов, а внутри групп голоса распределяются по высоте звучания, например в вокальной партитуре — сверху вниз от сопрано до баса.

В антропологии движения партитурой может быть сценарий, в котором место голосов-звуков занимают голоса-люди со своими мотивационно-деятельностными схемами (МДС). Кодировка этих схем, наподобие нот, еще не придумана, но предварительно можно ее представить в виде пиктограмм, цифровых кодов или, по старинке, набора ключевых слов. Партитура этноисторического сценария предполагает подбор действующих лиц и их поведенческих параметров, прежде всего мотивационных и деятельностных характеристик, а также их сопоставление в одном интервале времени-пространства. Точки совпадения этих «частот» (ритмов, колебаний) могут пролить свет на критические эпизоды истории.

Чьи МДС подходят для такой систематики и как их выявлять? Разумеется, в этноисторическом сценарии главной фигурой выступает лидер — вождь, жрец, правитель, священнослужитель, аристократ, промышленник, купец и т. д. В антропологии движения ключевым приемом служит крупный план персонажа (Головнёв 2010), воссоздание которого возможно на основе надежного обстоятельного источника вроде развернутых автобиографий и мемуаров, подробных жизнеописаний, хроник и летописей, саг, сказаний и т. д. МДС «народных масс» ничуть не менее привлекательны, но их крупные планы трудновосстановимы за отсутствием адекватных описаний.

Фигура лидера значима в этноистории тем, что передает настроение и состояние народа в словах и действиях. Впрочем, не всегда эти проекции прямые: среди императоров Рима, царей России и президентов США встречаются карикатурные персонажи, в манерах которых народные нравы причудливо преломляются. Не всегда лучшей фигурой для «записи партитуры» выступает формальный правитель: адмирал корсаров Френсис Дрейк, на мой взгляд, полнее представляет народный дух Англии, чем его современница королева-девственница Елизавета. Волжский атаман Ермак и новгородский (по происхождению) промышленник Строганов не менее ярко олицетворяют русские мотивы и ритмы XVI в., чем московский царь Иван Грозный.

Последнее трио может служить иллюстрацией схождения в резонансе разных мотивов, обусловивших Сибирское взятие конца XVI в. и его катастрофические (для Сибирского ханства) и судьбоносные (для сообщества народов России) последствия. Давно идет спор о приоритетах в организации эпохальной экспедиции; и действительно, у царя, атамана и промышленника были свои резоны движения за Камень, но согласия

явно недоставало. Царь Иван грозил «перевешать» атамана Ермака «с товарищи» за грабежи на Волге; в свою очередь казахи атаманы угрожали Строганову разорить дом и «расстрелять по клоку»; а тот опасался как царской опалы, так и казачьего произвола. Ситуация напоминала пороховую бочку, но, о чудо, вместо взрыва произошел выстрел: несмотря на раздоры (или благодаря им?), экспедиция тронулась в путь и с ходу сокрушила орду хана Кучума. Если расписать партитуру МДС царя Ивана, промышленника Максима Строганова и атамана Ермака, то в ней обозначится совпадение «частот» (мотивов и действий) всех сторон в сентябре 1582 г., хотя сами по себе отношения были расстроены до диссонанса. Более того, напряжение было столь велико, что их резонансный прорыв отозвался грохотом в истории. И прежде были победные рейды в Сибирь (например, Ивана Салтыка и Федора Курбского в 1483 г., Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника в 1499 г.), и де-факто экспедиция Ермака завершилась гибелью атамана и отходом остатков казачьей дружины из Сибири⁵. Но именно Сибирское взятие принесло «русское единение» на Урале, подорванное свирепым погромом Новгорода и бесконечными разладами между столицей и казачьим Полем: именно на Урале вновь сошлись разошедшиеся было по сторонам поморы, казаки и московиты⁶.

Какие параметры, помимо МДС лидеров, важны для этноисторического сценария? Разумеется, пространственно-временная панорама событий с ролями столиц и границ, а также характеристикой сети коммуникаций. Как показывает упомянутая выше история, голоса столицы (Москвы) и границы (казачьей украины) звучали вразнобой, но местами и временами сходились в «колебаниях частот». Московская автократия не только плодила окраинную вольницу, но и успешно с ней взаимодействовала. В этом парадоксальном, на первый взгляд, притяжении-отторжении кроется источник энергии расширения России по всей Северной Евразии. В конкуренции и гонке столицы и границы (монархии и вольницы) состоял механизм стремительной колонизации Сибири.

Будучи зоной провокаций и столкновений, тревог и фантазий, граница во все времена порождает страхи и химеры. Здесь вырыт ров между «своими и чужими», здесь цветет пресловутая антитеза «мы — они». В иных местах и условиях (той же столице) неуступчивый бинаризм растворяется в замысловатой геометрии связей, насыщается оттенками

⁵ Для кругового обзора ситуации следовало бы составить и партитуру Сибирской орды, где виден «обратный резонанс» — провал власти, очередная «заматня в Орде» из-за кровавой вражды Шибанидов и Тайбугидов.

⁶ На Урале, в центре Северной Евразии, в те годы отмечается такое этническое многоголосие, что соответствующую главу в книге о колонизации я назвал «Уральская рапсодия» (Головнёв 2015: 428–487), имея в виду эпическое «многотемье» (чередование разнохарактерных эпизодов).

интереса и партнерства, но на границе, как на дуэли, напряжение на пределе. Впрочем, это напряжение нередко служит стимулом для обеих сторон. Граница — не только стабильность, но и мобильность: она может колебаться и сдвигаться (причем в разных ритмах граничащих народов и культур), и именно на стыках чаще всего происходят неожиданные резонансные совпадения.

Антропология границ — тема увлекательная и часто обсуждаемая (например: Barth 1969; Vanton 2014; Baburai, Pannikot 2024). Фредрика Барта привлекла в этнической границе не жесткость, а проницаемость. Впрочем, задолго до него феномен границы выдвинул на авансцену Фредерик Тернер, в построениях которого *frontier* играет роль механизма преобразования иммигрантов в американцев. *Frontier* — движущийся с востока на запад Америки, по ходу колонизации, рубеж цивилизации и дикости, а *frontiersman*, ‘человек фронта’, прибывший в Новый Свет европеец, сначала адаптируется к дикости, а затем «шаг за шагом... преобразует дикую местность» в новую Америку. Фронтир «способствовал формированию американского народа смешанного национального состава» (Тернер 2009: 14–52).

Тернер формулировал свой «тезис фронта» в годы, когда колонизация была в моде, считалась делом царским (королевским) и соотносилась по статусу с национальной идеей (например Британии, Голландии, Португалии). Чуть раньше Тернера о колонизации как смысле отечественной истории рассуждал Василий Ключевский:

История России есть история страны, которая колонизируется (Ключевский 1987: 50).

Американская история вплоть до наших дней в значительной мере была историей колонизации Великого Запада (Тернер 2009: 13).

В этом концептуальном русле граница представлялась горнилом, в котором выплавлялся национальный характер. В американской версии эта метафора оформилась в упомянутую выше концепцию «плавильного котла» (*melting pot*), символизирующую сплав народов в единую американскую «расу» (нацию). Тернер рассматривал *frontier* как американский код.

В последние годы российская наука пополнилась очередной партией зарубежных заимствований, в том числе понятием «фронтир». Почему бы и нет? Слово неплохое, означает границу; стало быть, пригодится, границ в России много. На самом деле эта подмена выдает американскую границу за российскую и мешает ее реальному изучению. Заимствование замещает российский код американским, причем в ущербном, недоразвитом виде. Далее ученым приходится усердствовать в объяснениях, почему

в России фронтир недоразвитый. Таким образом, вместо содержательного исследования силы расходятся на примерку чужих образцов.

Между тем, помимо антропологии границ, есть и этнография границ. Шведско-норвежская граница заметно отличается от туркменско-киргизской или палестино-израильской. Особенности пограничья играют порой решающую роль в межэтнических отношениях. В этом смысле использование чужих шаблонов в изучении пограничья вносит больше путаницы, чем ясности.

В русской традиции пограничное пространство с летописных времен (XII в.) обозначается словом *украйна* — в значении «у края». По-русски *украинами* назывались все порубежные земли, а «классической» *украиной* считалось пограничье леса и степи — Поле от Волги до Днестра. В ордынскую эпоху эта *украйна* была владением татар и пастбищем их табунов с вкраплениями земледельческих житниц (например, Болоховской земли), поставлявших провизию в Орду. С развалом ханства *украйна* оказалась территорией соперничества и раздора, на которую претендовали, помимо кочевых орд, Литва, Москва, Польша, Венгрия, Молдавия. Окружающие державы пытались включить южно-русскую *украину* в орбиту своего влияния, и она представляла собой не самостоятельную страну, а поле конкурентных стратегий и перекрестной колонизации.

Пограничье было территорией «украинных людей» — казаков, о которых говорили: «ходят по украине», «казакуют в поле» (а не «живут» или «обитают»). Как выразился в письме к турецкому султану московский князь Василий III в 1523 г., «наши украинные люди ходят по Украине, иные по своей воле, иных наместники посылают на Поле для соглядания злых людей». *Украин* было много — по всему периметру Московского царства, и бытовало выражение «казаки со всех украин» (Сухоруков 1869: 2–4). *Украинами* звались все пограничные земли: на западе — литовская *украйна*, на востоке — «*украйна* сибирской землицы», на юге — крымская *украйна*. Не было *украины* только на севере, где границей служило Студеное море (впрочем, и на Русском Севере образовалась вольная поморская сторона).

Общей чертой украинных людей была «стихийная демократия», контрастировавшая с государственным порядком метрополии. Нередко эта демократия была протестной и исходила из пограничной конъюнктуры. Украинные люди могли менять одну *украину* на другую под давлением обстоятельств или в поисках лучшей доли. Будучи в своих истоках изгойской и протестной, казачья вольница кишела конфликтами. Находясь на пограничье, казаки и во внешних действиях ориентировались на конфликты, вникая в противоречия и интриги соседних держав, принимая то одну позицию, то другую, то несколько кряду. Эта турбулентность обусловила своеобразную пограничную ментальность, в которой маневр

преобладал над постоянством. Казаки могли служить нескольким правителям сразу, легко меняя союзников и противников, и в этом выражалась не шаткость взглядов, а образ пограничной жизни⁷.

Особенность русской украины состоит в том, что она — «живая граница», со своим укладом, заметно отличающимся от столичного. Случалось, роли границы и столицы менялись, и украинные люди вершили судьбы царства. Так произошло в эпоху Смуты, которую затеяли именно украинные люди. Они во множестве плодили самозванных лжецаревичей, будто глумясь над столицей. В конце концов они же крикнули на царство Михаила Романова; правда, в тот же день, 21 февраля 1613 г., в статусе вольных казаков произошла парадоксальная метаморфоза: присягнув своему избраннику, они вдруг оказались «на государевой службе», и вскоре царь учредил Казачий приказ (подробнее: Головнёв 2015: 363–369).

Общей чертой всех украин был их многонародный состав. В казачество стекались «баловни», тати и разбойники со всех окрестных стран. Это было, с одной стороны, чревато раздорами в казачьих кругах, с другой — усиливало их дипломатический потенциал. Казаки владели сведениями о состоянии дел по обе стороны границы и практиковали не только набеги, но и международную дипломатию. Знание соседних народов и родственно-свойственные связи с ними предопределяли успехи в рейдах вольницы на «новые земли»; по существу все приращения российских владений в XVI–XVII вв. достигнуты людьми границ — поморами и казаками, за которыми едва поспевали воеводы и священники.

Различие между американским фронтиром и русской украиной состоит в том, что первый — новообразование эпохи трансатлантических завоеваний, а вторая — старая, как евразийский мир, зона контактов давних соседей. В Евразии это пограничье было не местом знакомства и противоборства разных цивилизаций, а ареной обновления прежних связей. Продвижение России на восток в XVII в. поражает своей стремительностью, и этот успех объясняется свойством «живой границы» входить в альянсы с местными народами.

Если фронт — фронт сражения чуждых друг другу культур, то Украина — живая граница, связывающая давних соседей. Для этничности и межэтнических отношений эти качества противоположны: Украина — антипод фронта. Этнография границ отмечает в них различные действия и последствия. Фронт настроен на замещение (истребление, вытеснение) колонизируемых народов с последующим всеобщим смешением в «плавильном котле»; Украина обеспечивает вовлечение присоединяемых (завоевываемых, покоряемых) народов в многонародность с включением местных элит в благородное сословие метрополии. Самобытность

⁷ Восприятие русскими *украины* как своего пограничья настолько прочно, что современную Украину Россия по исторической инерции считает своей неотъемлемой частью; этот мотив лежит в основе сегодняшних военных действий.

моделей полиэтничности — американского плавильного котла и российской многонациональности — происходит от различия границ, фронта и украинской.

Возвращаясь к «музыкальной теории», можно заметить эффект резонанса в обоих случаях: во фронте это совпадение «частот» (мотиваций и действий) разных по происхождению и изначальным целеполаганиям иммигрантов, в украинской — схождение мотивов и нравов русских и других народов Северной Евразии, вплоть до симбиотических альянсов с татарами, карелами, пермянами, кодскими остяками, якутами, юкагирами и др. (подробнее: Головнёв 2015).

Рискну предположить, что многие неожиданные и сокрушительные события этноистории вызваны эффектом резонанса — иначе, «на ровном месте», чудес не случается. У резонанса есть неудобные свойства, например непредсказуемость начала и неясность последствий. Главные фигуранты грандиозных потрясений исходно о них не помышляли: сирота Темужин, томясь в рабских колодах, не мечтал о титуле Чингисхана и власти над Великой степью; водобоязненный царевич Петр, молясь о здоровье матушки, менее всего представлял себя заядлым мореходом и Великим императором; Владимир Ульянов, сидя за партией симбирской гимназии, не воображал себя «вождем пролетариата» и повелителем шестой части планеты.

Любое новое явление в какой-то мере разрушает или отменяет старое; иногда, как в революционной песне, «до основанья, а затем...» Чудо Петербурга, отменившее старомосковские каноны, обнаруживает все свойства резонанса. В этнокультурном ключе частью партитуры этого многоголосия послужили изначальная многонациональность и поликонфессиональность Северной столицы:

Население Петербурга с самого начала было многонациональным. Его главный проспект — Невский — стал своеобразным проспектом веротерпимости, где бок о бок с православными церквями находились голландская, немецкая, католическая, армянская, а вблизи от Невского — финская, шведская, французская церкви. Не все знают, что самый большой и богатый буддийский храм в Европе был в XX в. построен именно в Петербурге. В Петрограде же была построена богатейшая мечеть (Лихачев 2015: 58).

Пристального внимания в «музыкальном ракурсе» заслуживает и феномен революций, в том числе роль этничности в их сценариях: в двух российских революциях — начала и конца XX в. — этнические мотивы и действия пока явно недооценены (иногда они учитываются, но

в последнюю очередь). В целом понятие *резонанс* применимо к событиям и явлениям этноистории, которые характеризуются непредсказуемостью и оказывают радикальное преобразующее воздействие на традиционный уклад.

Вы спросите: чем отличается предложенный резонансный подход от привычного перечня причин (факторов)? Прежде всего тем, что он сфокусирован на мотивах и действиях реальных персонажей истории, а не кабинетных мыслителей. Кроме того, эти мотивы-действия помещаются в сеть пространственно-временных координат, где отслеживаются их «волны» (частоты). Наконец, на первый план в историософии выносятся сам феномен резонанса, обладающий огромным потенциалом, как разрушительным, так и созидательным. Думаю, возможно предсказание резонансов и даже управление ими, но для этого необходимо их основательное изучение в (этно)истории. В целом этноисторический резонанс — частный случай антропологии движения — он различим только в динамике. Состояния диссонанса, консонанса и резонанса — не постоянные, а динамичные, сменяющие друг друга; нередко за диссонансом (кризисом) следует (не без внешнего воздействия) резонанс, после которого, как после грозы, наступают примирительное затишье и консонанс.

Краткий обзор «резонанса в этноистории» показал, что «музыкальный инструментарий» придает новую аранжировку этноисторическим событиям. Понятие резонанса уместно и при рассмотрении сегодняшней киберсферы; например, резкие возбуждения общественного напряжения (припадки социального психоза, группового восторга или взрыва безумия) возникают в режиме «скорострельного чата» благодаря киберскорости и совпадению эмоциональных частот обитателей Сети. Эти состояния, как и последствия их проявления, неописуемы без учета эффекта резонанса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнов С. А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М., 2012. 416 с.

Большаков О. Г. История Халифата. М.: Вост. лит., 2002. Т. 1. 312 с.

Бунюэль о Бунюэле. Мой последний вздох (воспоминания). М.: Радуга, 1989. 384 с.

Галилей Галилео. Избранные труды. М.: Наука, 1964. Т. 2. 572 с.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волог, 2009. 496 с.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

Головнёв А. В. Ящик с инструментами, или О методах антропологии // Universitas historiae: сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2016. С. 549–556.

Гумилев Л. Н. Хунну. СПб.: Тайм-Аут; Компас, 1993. 224 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.

Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд. СПб.: СПбГУП, 2015. 540 с.

Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск: Изд. войскового стат. комитета, 1869. Т. 1. 291 с.

Тернер Ф. Д. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.

Baburai A., Pannikot D. Dynamics of Ethnic Boundaries: Rethinking Insider-Outsider Dichotomy in Northeast India // *Peace Review*. 2024. July. P. 1–11.

Banton M. Ethnic boundaries: a critical rationalist perspective // *Nationalism, Ethnicity and Boundaries*. London: Routledge, 2014. P. 83–99.

Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries*. Oslo: Universitets Forlaget; London: Allen & Unwin, 1969. P. 9–38.

Bassin M. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2016. 400 p.

Lapidus I. M. A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 1000 p.

Schönwiese Ch. Klimaänderungen: Daten, Analysen, Prognosen. Berlin: Springer, 1995. 224 S.

REFERENCES

Arutyunov S. A. *Siluety etnichnosti na tsivilizatsionnom fone* [Silhouettes of ethnicity against a civilizational background]. Moscow: Infra-M Publ., 2012, 416 p. (In Russian).

Baburai A., Pannikot D. Dynamics of Ethnic Boundaries: Rethinking Insider-Outsider Dichotomy in Northeast India. *Peace Review*, 2024, pp. 1–11. (In English).

Banton M. Ethnic boundaries: a critical rationalist perspective. *Nationalism, Ethnicity and Boundaries*. London: Routledge, 2014, pp. 83–99. (In English).

Barth F. Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries*. Oslo: Universitets Forlaget; London: Allen & Unwin, 1969, pp. 9–38. (In English).

Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2016, 400 p. (In English).

Bol'shakov O. G. *Istoriya Khalifata* [History of the Caliphate]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002, vol. 1, 312 p. (In Russian).

Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoi Evrazii)* [Anthropology of movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ.; Volot Publ., 2009, 496 p. (In Russian).

Golovnev A. V. [Close-up in anthropology]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2010, no. 4 (29), pp. 14–20. (In Russian).

Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2015, 592 p. (In Russian).

Golovnev A. V. [Toolbox, or On the Methods of Anthropology]. *Universitas historiae. Sbornik statej v chest' Pavla Yur'evicha Uvarova* [Collection of articles in honor of Pavel Yurievich Uvarov]. Moscow: IVI RAN Publ., 2016, pp. 549–556. (In Russian).

Gumilev L. N. *Hunnu* [The Xiongnu]. St. Petersburg: Time-Aut Publ.; Kompas Publ., 1993, 224 p. (In Russian).

Lapidus I. M. *A History of Islamic Societies*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002, 1000 p. (In English).

Likhachev D. S. *Izbrannyye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture* [Selected works on Russian and world culture]. St. Petersburg: SPbGUP Publ., 540 p. (In Russian).

Schönwiese Ch. *Klimaänderungen: Daten, Analysen, Prognosen*. Berlin: Springer, 1995, 224 S. (In German).

Terner F. D. *Frontir v amerikanskoy istorii* [Frontier in American History]. Moscow: Ves'mir Publ., 2009, 304 p. (In Russian).

Submitted: 14.07.2024

Accepted: 01.08.2024

Article published: 31.12.2024